

Лав Лав
Кинотеатр

Золотой экран

Лав Лав

Кинотеатр Золотой экран

«Автор»

2026

Лав Л.

Кинотеатр Золотой экран / Л. Лав — «Автор», 2026

Кинотеатр «Золотой экран» — моя жизнь и единственное место, где я чувствую себя в безопасности. Пока однажды в пустом зале на ночном показе старого фильма я не встречаю ЕГО. Красивого, словно сошедшего с экрана, невероятно соблазнительного мужчину в костюме сороковых годов. Он знает все фильмы наизусть, говорит комплименты, от которых у меня подкашиваются ноги, и исчезает на рассвете, оставляя после себя лишь запах дорогого табака и смятую контрамарку. Мои подруги думают, что я схожу с ума от одиночества. Полиция считает, что это чья-то жестокая шутка. Но я знаю: он реален. Потому что каждую ночь, когда гаснет свет, он возвращается, чтобы соблазнить меня. Снова и снова. Вот только удержать призрака может только одно...

© Лав Л., 2026

© Автор, 2026

Лав Лав

Кинотеатр Золотой экран

Глава 1

В кинотеатре «Золотой экран» пахло временем. Не пылью и затхлостью старых чердаков, а именно временем – сладковатым ароматом карамели из автомата восьмидесятых, запахом натертой мастикой паркета в фойе и той особой прохладой, которая бывает только в затемненных залах, где годами крутят чужие жизни на целлулоидной пленке.

Ника любила этот запах. Наверное, потому что другой жизни у нее не было.

Она поправила бархатную перегородку на кассе, проверила билетную ленту и посмотрела на пустующее фойе. Семь вечера пятницы. В соседнем торговом центре, сверкающем неоном новомодных мультиплексов, сейчас яблоку негде упасть. Там едят попкорн ведрами, надевают 3D-очки и вздрагивают от запрограммированных скримеров. А здесь... здесь шла «Амаркорд» Феллини. На тридцати пяти миллиметрах. Для трех с половиной зрителей.

Ника взглянула на часы. До начала сеанса пятнадцать минут. Пенсионеры, ее постоянные гости, обычно приходят заранее, чтобы занять свои любимые места – шестой ряд, ближе к проходу, чтобы ноги не затекали. Сегодня, судя по проданным билетам, придут двое. Семейная пара, которая ходит сюда сорок лет подряд.

– Ника, дочка, закрой дверь, дует! – раздалось из полумрака зала, куда уже прошаркал сторож дядя Коля с ведром и шваброй.

– Хорошо, дядь Коль.

Она вышла из-за стойки, поправляя тяжелую деревянную дверь с медной ручкой. В стекле отразилась она сама: темные волосы, стянутые в небрежный пучок, большие серые глаза, в которых, кажется, навсегда поселилась усталость, и губы, на которые она уже неделю забывала нанести блеск. Двадцать семь лет. Администратор кинотеатра, который медленно, но верно умирал.

Зазвонил телефон. Старенький, допотопный аппарат на ее столе затрясся мелкой дрожью.

– Кинотеатр «Золотой экран», – автоматически ответила она.

– Ника! Привет! – голос подруги Алисы ворвался в тишину, как звонок будильника. – Ты на работе? В эту пятницу? Ты с ума сошла! Мы идем в «Атмосферу», там диджей из Москвы, мальчики такие...

– Алис, у меня сеанс.

– Опять эти старики? Ника, они же умрут, а ты так и останешься в этом мавзолее. Плюнь, закрой дверь и приезжай. Жизнь проходит мимо!

Ника посмотрела в окно на улицу, где зажигались фонари, под которыми не было ни души.

– Жизнь, – повторила она задумчиво. – Жизнь, Алис, это не только диджей из Москвы.

– Ой, все! Ты безнадежна. Целую, романтичная ты наша!

Гудки.

Ника положила трубку. Романтичная. Смешное слово. Романтика умирает там, где начинают счета за отопление и долги по аренде. Ей принадлежала лишь четверть этого здания – наследство от бабушки, которая работала здесь билетершей с самого открытия в 1952 году. Остальные доли выкупила какая-то инвестиционная компания, и теперь они ждали, когда Ника созреет для продажи, чтобы снести все к чертям и построить очередной фитнес-центр.

Сеанс начался. Ника привычно прошла в будку кинемеханика, где над аппаратурой колдовал пожилой Григорич. Пленка мягко шуршала, проектор стрекотал, как кузнечик, и на

экране побежали первые кадры. Итальянское провинциальное детство, дурачества мальчишек, грустный клоун на велосипеде.

Она спустилась в зал. Присела на последний ряд, откуда было видно два седых затылка. Старики держались за руки. На экране шла сцена, где мальчик Титта смотрит на роскошную табачницу Вольпину, и его сердце заходится от первого, еще детского, но такого сладкого томления.

Ника сглотнула. Зависть – плохое чувство. Но сейчас она завидовала той простоте чувств, той эпохе, когда любовь была долгой, как киноплёнка, и не обрывалась на полуслове.

Она незаметно выскользнула в фойе. Тишина давила на уши. Часы показывали половину десятого. Сеанс закончится через час, потом надо выключить свет, проводить Григорича, проверить запасный выход.

Ника села за свой столик, подперла щеку рукой и уставилась в пустоту. Внезапно ей показалось, что в глубине фойе, у лестницы, ведущей на балкон, кто-то есть. Тень. Движение.

Она вскинула голову. Никого.

«Нервы, – подумала она. – Скоро совсем одна тут ночевать буду».

Она встала, чтобы пройтись, унять дрожь в коленях. Подошла к старым афишам в деревянных рамках. «В джазе только девушки», «Сладкая жизнь», «Шербурские зонтики». Ее любимые.

Внезапно за спиной раздался звук. Тихий, шелкающий. Как будто кто-то поворачивает старую задвижку на входной двери.

Ника замерла. Сердце пропустило удар, а потом забилось где-то в горле. Сеанс идет. Дверь она запирала всегда, чтобы никто не ворвался посреди фильма.

Она медленно обернулась.

Входная дверь была заперта. Но в фойе... в фойе кто-то стоял.

Мужчина.

Он стоял спиной к ней, разглядывая афишу «Унесенных ветром». На нем был идеально сидящий темно-синий костюм в тонкую полоску, двубортный, с широкими лацканами. Шляпа-федора скрывала волосы. В руке он держал тонкую трость с серебряным набалдашником.

Ника хотела спросить, как он вошел, но язык прилип к небу. Это было невозможно. Совершенно невозможно.

Мужчина, словно почувствовав ее взгляд, медленно повернулся.

У нее перехватило дыхание.

Красивый. Это слово было слишком бледным, чтобы описать то, что она увидела. Высокие скулы, волевой подбородок, четкая линия губ. Но главное – глаза. Темные, глубокие, они смотрели на нее сквозь полумрак с такой интенсивностью, что Нике показалось, будто ее пронзили насквозь. В них горел странный огонь – не то интерес, не то древняя, давно забытая тоска.

– Простите, – выдохнула Ника. – Кинотеатр закрыт. Мы не продаем билеты после начала сеанса.

Губы мужчины тронула легкая, чуть надменная улыбка. Он сделал шаг к ней. Трость бесшумно коснулась паркета.

– Я не за билетом, синьорина, – произнес он. Голос у него был низкий, бархатный, с легким, едва уловимым акцентом. – Я ишу кое-что... или кое-кого.

Он подошел ближе. Ника почувствовала запах – дорогой табак, древесный одеколон и что-то еще, сладковато-терпкое, как старый коньяк. От этого запаха у нее слегка закружилась голова.

– Кого? – спросила она, ненавидя себя за то, что голос дрожит.

Он остановился в полуметре от нее. Посмотрел сверху вниз. И улыбнулся уже шире – обольстительно, уверенно, так, как улыбаются только мужчины с черно-белых фотографий прошлого века.

– Вас, – просто ответил он. – Я искал женщину, которая любит кино больше, чем шумные компании. Которая остается одна в пустом театре, когда весь город танцует. Скажите, вы верите в любовь с первого кадра?

Ника растерялась. Это был какой-то абсурд. Флирт? Галлюцинация? Но он стоял здесь, живой, настоящий, источая такую магнетическую, пугающую и манящую энергию, что у Ники вспотели ладони.

– Я... я администратор, – глупо сказала она. – Мы закрыты.

– Администратор, – повторил он, смакуя слово. – Какое строгое, но красивое слово. А как ваше имя, администратор?

– Ника.

– Ника, – он произнес ее имя так, будто пробовал дорогое вино. – Богиня победы. Вы знали? В Древней Греции Ника – та, что приносит успех.

– Я знаю, что мне сейчас пора закрывать кинотеатр, – отрезала она, пытаясь вернуть контроль над ситуацией.

Он не двинулся с места. Только снял шляпу, открывая безупречно уложенные темные волосы с благородной сединой на висках.

– Успеете, – мягко сказал он. – Фильм идет еще двадцать минут. Ваши зрители увлечены. Посвятите это время мне.

– С какой стати? – выпалила Ника, чувствуя, как внутри разгорается странный, незнакомый азарт.

– С той, – он склонил голову набок, – что сегодня в этом зале показывают фильм о памяти и мечтах. А я, поверьте, знаю о мечтах всё. Особенно о тех, которые сбываются после полуночи.

Он протянул руку. Ладонь у него была широкая, с длинными пальцами, без единого кольца. Тыльная сторона покрыта легким загаром.

– Позвольте пригласить вас на танец? Прямо здесь, под музыку, что доносится из зала.

Из динамиков действительно лилась тягучая мелодия Нино Рота. Пустой холл, старый кинотеатр и этот незнакомец в костюме сороковых.

– Это безумие, – прошептала Ника, но руку свою вложила в его ладонь.

Его пальцы сомкнулись вокруг ее пальцев. Они были прохладными, но касание обожгло, словно электрический ток. Он привлек ее к себе, положил другую руку ей на талию, чуть выше, чем это принято сейчас, – по-старинному собственнически.

Они закружились в медленном танце посреди пустого фойе. Ника чувствовала твердость его груди под тканью пиджака, чувствовала его дыхание на своей макушке. Он вел уверенно, легко, будто они танцевали вместе тысячу раз.

– Ты дрожишь, Ника, – прошептал он, переходя на «ты» так естественно, будто иначе и быть не могло.

– Мне страшно, – честно призналась она.

– Не бойся, – его губы почти касались ее виска. – Я не сделаю тебе больно. Я только хочу, чтобы ты вспомнила, каково это – желать.

Музыка стихла. Они остановились. Ника подняла голову и встретила с его взглядом. В его глазах плескалась такая бездна одиночества и одновременно страсти, что у нее сжалось сердце.

– Кто вы? – выдохнула она.

Он усмехнулся уголком губ.

– Это неважно. Важно то, что я вернусь. Завтра. В это же время. Если ты захочешь.

Он отпустил ее, надел шляпу и, не оборачиваясь, направился к выходу. Дверь распахнулась перед ним, хотя Ника была уверена, что она заперта.

Она стояла, оглушенная, не в силах пошевелиться. А когда опомнилась и выбежала на крыльцо, на пустынной улице под фонарями не было ни души. Только легкий ветер гонял по асфальту обертки от конфет.

Ника медленно поднесла к лицу свою правую руку. На ладони, там, где ее касались его прохладные пальцы, остался маленький старый билет. Пожелтевший, с обрезанным краем. Контрамарка в кинотеатр «Золотой экран» на фильм «Касабланка». Датированная 1952 годом.

Глава 2

Ника не спала всю ночь. Билет лежал на тумбочке, и в лунном свете казалось, что цифры «1952» светятся фосфором. Она трогала бумагу – она была настоящей, шершавой, с фабричными ворсинками. Она нюхала ее – пахло старым архивом, сыростью и... тем самым коньячным парфюмом.

Утром она первым делом позвонила Алисе.

– Алис, приезжай. Срочно. Я, кажется, сошла с ума.

Алиса, высокая блондинка с идеальным маникюром и циничным складом ума, появилась через час, привезя с собой кофе из дорогой кофейни и скептицизм размером с Эйфелеву башню.

– И ради этого ты выдернула меня из постели? – спросила она, разглядывая билет. – Ника, это старый билет. Такие на барахолке продаются по три рубля за пучок. Может, он у тебя в бабушкином сундуке лежал?

– Не лежал. Я его вчера нашла... в руке, после того как потанцевала с призраком.

Алиса присвистнула.

– С призраком? Ника, детка, у тебя давно не было мужчины? Это называется галлюцинация на почве воздержания. Организм требует, а ты ему Феллини крутишь. Сходи уже на свидание, наконец.

– Алиса! Я серьезно! – Ника вскочила с дивана в своей маленькой квартирке над кинотеатром. – Он был здесь! Он танцевал со мной! От него пахло...

– Чем пахло? Нафталином? – хохотнула подруга. – Слушай, сходи к врачу. Или, наоборот, жди следующей встречи. Знаешь, если тебе так веселее, пусть будет призрак. Только, чур, я – подружка невесты на твоей свадьбе с привидением.

Ника махнула рукой. Алиса была безнадежна.

Весь день она провела как в тумане. Проверяла билеты на дневные сеансы (детский утренник, два раза «Ну, погоди!» на старой пленке), пересчитывала выручку, которая не покрывала даже зарплату Григорича, и постоянно смотрела на часы.

Он сказал: «Я вернусь, если ты захочешь».

Хотела ли она? Разум кричал: «Это безумие! Это опасно!». Но тело... тело помнило его прикосновение к талии, его голос, его запах. Впервые за пять лет после того, как ее бывший парень, устав от ее «занудства» и любви к старому кино, ушел к бойкой менеджерше из салона связи, Ника почувствовала себя ЖЕНЩИНОЙ.

К вечеру она надела свое лучшее платье. Темно-синее, с открытыми плечами. Купила в автомате нормальный попкорн, а не тот, что дядя Коля жарил неделю назад. Накрасила губы красной помадой.

Сеанс в этот вечер был последний – «Римские каникулы» с Одри Хепберн. Зрителей сегодня не было вообще. Ни одного. Григорич покачал головой:

– Ника, дочка, может, не будем крутить? Электричество зря жечь?

– Будем, Григорич, – твердо сказала она. – Иди домой. Я сама закрою.

Он удивился, но спорить не стал.

В десять вечера кинотеатр погрузился в тишину. Только проектор в будке работал вхолостую, гоняя пленку по кругу в пустой зал. Ника сидела в фойе на диванчике, поджав ноги, и смотрела на дверь.

Стрелка часов ползла мучительно медленно. Десять пятнадцать. Десять тридцать.
«Не придет, – подумала она с горечью. – Алиса права. Показалось».

Она опустила голову. В груди заныло от разочарования, такого острого, какого она не испытывала со школьных времен.

И в этот момент свет в фойе мигнул.

Ника вскинула голову.

Он стоял в дверях, ведущих в малый зал, хотя минуту назад там никого не было. Сегодня на нем был светлый костюм, белая рубашка и тонкий черный галстук. В руке – вместо трости – букет. Белые розы, длинные, с едва раскрывшимися бутонами.

– Добрый вечер, Ника, – произнес он своим низким голосом. – Вы ждали?

Она встала, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

– Я... я не знала, придете ли вы.

– Я всегда прихожу туда, где меня ждут, – он подошел и протянул ей цветы. – Возьми.

Они подходят к твоим глазам.

Она взяла розы. Лепестки были прохладными и влажными, словно их только что срезали в саду.

– Спасибо, – прошептала она. – Но... как вы вошли? Двери закрыты.

Он загадочно улыбнулся и кивнул в сторону зала.

– Сегодня «Римские каникулы». Мой любимый фильм. Знаете, я видел его премьеру в этом кинотеатре. В пятьдесят третьем. Зал был полон, женщины плакали, когда принцесса уходила от журналиста.

Ника вздрогнула. Пятьдесят третий? Ему на вид было около сорока.

– Вы шутите?

– Никогда не шучу о кино, – он протянул ей руку. – Пойдем. Посмотрим вместе. Я расскажу тебе тайны, которые знает только пленка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.